

ПОЗИТИВНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ В КНР: PRO ET CONTRA*

© 2017 М. СОЛОЩЕВА

В статье исследуется, в каких формах проявляется «особый подход» или «позитивная дискриминация» правительства КНР в отношении национальных меньшинств в области образования, какие проблемы с этим связаны, анализируется, насколько эффективна политика «позитивной дискриминации» и стоит ли её продолжать. Цель данной статьи - исследовать вопрос о тех мерах, которые принимают власти КНР, чтобы повысить уровень и качество образования национальных меньшинств. В статье рассмотрено положение в Тибетском автономном районе, показатели которого в области образования являются самыми низкими на общенациональном уровне.

Ключевые слова: позитивная дискриминация, образование, КНР, Тибет, национальные меньшинства

POSITIVE DISCRIMINATION IN EDUCATION IN PRC: PRO ET CONTRA

Maria A. SOLOSHCHEVA, PhD (History), National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg) (msoloshcheva@hse.ru)

The article contains a description of the methods of the positive discrimination used by the Government of PRC in education towards the national minorities and an analysis of the problems that occur when implementing these methods. The author takes the Tibetan ethnic minorities' educational situation as the main example, because the lowest educational rates in PRC are shown in the Tibetan Autonomous Region. The author concludes that the positive discrimination shouldn't be regarded as the main instrument of the effacement of social inequalities, although it shouldn't be refused yet.

Keywords: positive discrimination, education, PRC, Tibet, ethnic minorities

Большинство населения Китайской Народной Республики составляют ханьцы - этнические китайцы, остальные 8,49% от общей численности населения страны приходятся на 55 национальных меньшинств. Четирем районам компактного проживания меньшинств - Тибетский, Синьцзян-Уйгурский, Нинся-Хуэйский, Внутренняя Монголия - предоставлена региональная автономия. Конституция (1982 г.) и другие законы КНР гарантируют их право на «продвижение и развитие своей экономики и культуры».

Согласно Конституции КНР, «Государство помогает национальным автономиям в обучении большого количества кадров разных уровней, специалистов и квалифицированных рабочих различных профессий из числа народности или народностей данных регионов» [1, ст. 122]. В данной статье исследуется политика КНР в области образования в отношении национальных меньшинств, в частности жителей Тибетского автономного района (ТАР).

В основе этой политики лежит т.н. *позитивная дискриминация* или, другими словами, *преференциальное отношение* государства к определенной категории граждан. Такая политика предусматривает специальные временные меры, направленные на устранение дисбаланса между возможностями различных групп населения реализовывать равные права, и, в конечном счете, любых видов дискриминации.

В области образования политика *позитивной дискриминации* «относится к ситуациям, когда особое отношение к людям в процессе образовательного отбора определяется тем, относятся ли они к ущемленным в правах группам населения, и, таким образом, пренебрегается система отбора, строго основанная на достижениях» [14, р. 191].

По мнению американского социолога Би-Лань Чань Ван, позитивная дискриминация направлена на тех, кто в прошлом подвергался дискриминации негативной, а также на тех, кто имеет особые права в обществе в силу определенных исторических обстоятельств или в соответствии с конституционными нормами. Наконец, в-третьих, эта политика осуществляется в интересах политической интеграции плюралистического общества [14, р. 192].

Все три вышеперечисленных обстоятельства применимы к Тибетскому административному району (ТАР), поэтому тибетцы в полной мере пользуются благами (в определенном смысле сомнительными) государственной политики позитивной дискриминации.

СОЛОЩЕВА Мария Алексеевна, кандидат исторических наук, Департамент востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). РФ, 198099, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16 (msoloshcheva@hse.ru)

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

Защита прав национальных меньшинств гарантируется многими официальными документами КНР, в т.ч. Конституцией Китайской Народной Республики, «Законом об образовании Китайской Народной Республики», «Законом Китайской Народной Республики о региональной национальной автономии». Главной причиной проведения политики позитивной дискриминации в ТАР является стремление официальных китайских властей к политической интеграции, желание создать полностью мультикультурное китайское общество. Необходимым условием достижения таких целей является преодоление или хотя бы сокращение социального разрыва между достаточно образованными ханьцами и тибетцами, которые демонстрируют самые низкие в стране показатели в области образования.

Согласно официальной правительственной статистике, опубликованной Национальным статистическим бюро КНР [3], ситуация с образованием в ТАР является худшей по сравнению со всеми другими автономными районами КНР, не говоря уже о районах компактного проживания ханьцев. Следует отметить, что за годы пребывания в составе КНР в Тибете произошли существенные положительные изменения в сфере образования. И это несмотря на то, что в 1959 г. значительная часть образованной тибетской элиты вместе со своим духовным лидером Далай-ламой покинула страну.

Объективные наблюдатели признают, что система образования в Тибете, после его вхождения в КНР, фактически была воссоздана заново. Главная ее особенность заключается в том, что она перестала быть элитарной (до событий 1959 г. грамотность в Тибете не превышала 10%). Сегодня эти показатели существенно выше. Однако, несмотря на все усилия официальных властей, состояние образования в ТАР вызывает по-прежнему беспокойство как у самих жителей, так и за пределами Тибета в КНР и за рубежом [2; 5; 6; 9; 10; 18; 19; 20].

В 2015 г.* в ТАР 37,33% населения в возрасте старше 15 лет были неграмотны**. При этом национальный уровень неграмотности в среднем по стране составил 5,42% - ниже, чем в ТАР почти в 8 раз. 35,96% тибетцев в возрасте от 6 лет и старше никогда не посещали школу. Для Китая в целом этот показатель многократно ниже - около 5,69%. В том же году процент лиц с высшим и средним специальным образованием в ТАР составлял 7,11%, при среднем показателе по всей

стране - 13,34%. Среди всех провинций, автономных районов и городов центрального подчинения ТАР по всем вышеперечисленным показателям (уровень неграмотности, количество людей, не посещавших школы, и доля лиц с высшим образованием) занимает последнее место в стране, отставая от ближайшей провинции (Цинхай) в несколько раз. Интересно, что в Цинхае при этом национальные меньшинства составляют 46,5% населения, из которых почти половина (20% населения провинции) - тибетцы. Процент неграмотного населения в этой провинции почти в три раза меньше, чем в Тибете, и составляет 16,63% [3].

Цель данной статьи - исследовать вопрос о тех мерах, которые предпринимают власти КНР, чтобы исправить эту ситуацию. Объектом исследования выступает политика позитивной дискриминации, проводимая официальными властями Китая по отношению к коренным жителям Тибета (и других автономных районов) в сфере образования. Основной исследовательский вопрос - приносит ли весьма затратная для государственного бюджета политика позитивной дискриминации в сфере образования ожидаемые результаты? Важный уточняющий вопрос: является ли данная политика в долгосрочном плане эффективной, как с точки зрения КНР в целом, так и с точки зрения Тибета как автономной территории?

ФОРМЫ ПОЗИТИВНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

В образовательной системе КНР применяется несколько видов позитивной дискриминации.

1. К абитуриентам различных социальных и этнических групп предъявляются различные требования при поступлении в высшие и средние специальные учебные заведения.

Эта форма позитивной дискриминации встречается в КНР повсеместно, поскольку она обусловлена выполнением «Закона Китайской Народной Республики о региональной национальной автономии» (1985 г.), который гласит: «При зачислении высшие и средние профессиональные учебные заведения должны надлежащим образом устанавливать более низкие стандарты и требования для приема студентов из числа национальных меньшинств» [6, ст. 65].

Для представителей национальных меньшинств в целях повышения их процента среди общего числа студентов в вузах КНР устанавливаются более низкие проходные баллы. Кроме того, при сдаче государственных вступительных экзаменов абитуриентам из числа национальных меньшинств добавляются дополнительные баллы, количество которых зависит от учебного заведения, в которое подаются документы. Наибольшее количество баллов добавляется абитуриентам из числа малых этнических групп, которые подают доку-

* Более поздняя информация на официальном сайте не представлена (прим. авт.).

** Понятие «неграмотный» определяется на сайте Национального бюро статистики КНР как «не умеющий читать или затрудняющийся в чтении» (прим. авт.).

менты в высшие и средние специальные учебные заведения, входящие в реестр специализирующихся на обучении представителей национальных меньшинств учебных заведений. Учреждение таких национальных институтов, согласно «Закону Китайской Народной Республики о региональной национальной автономии» от 1984 года, является обязанностью государства [6, ст. 65].

Другой способ реализации этого вида позитивной дискриминации в КНР - предоставление абитуриентам из числа меньшинств права сдавать вступительные экзамены на родном языке. Абитуриенты, у которых обучение в средней школе велось на языке одного из меньшинств, при сдаче вступительных экзаменов на китайском языке получают задания легче, чем стандартные. Абитуриенты из числа меньшинств, выбравшие вступительные экзамены на китайском языке, получают больше дополнительных баллов, чем те, кто сдает эти экзамены не на китайском языке [11, р. 92-93].

2. Другой тип политики позитивной дискриминации - установление квот, определяющих долю учащихся - представителей малых этнических групп для различных уровней среднего и высшего образования. Эти квоты могут превышать в процентном отношении долю этнических групп в местном населении. Согласно «Закону Китайской Народной Республики о региональной национальной автономии», для студентов из числа национальных меньшинств «может быть введен предпочтительный набор и предпочтительное выделение рабочих мест» после окончания вуза [6, ст. 65].

При наличии квот вузы обязаны формировать отдельные группы для студентов из национальных меньшинств. Таким группам, как правило, дается подготовительный год, прежде чем начать обучение по основной программе. В ряде случаев этот год заменяется дополнительными занятиями (главным образом, занятиями китайским языком) с группой в течение стандартного четырехгодичного периода обучения в бакалавриате [11, р. 84, 94].

3. Третий тип позитивной дискриминации - система Федеральных грантов, которые предоставляются тем образовательным учреждениям, которые могут документально подтвердить принимаемые ими активные меры по увеличению среди студентов представительства групп меньшинств. Заинтересованные в получении грантов вузы организуют комплекс мероприятий с целью привлечь выпускников средних школ из числа национальных меньшинств к подаче документов [14, р. 197].

Стремясь получить дополнительное финансирование, китайские учебные заведения создают годовые подготовительные курсы, организуемые для тех абитуриентов из числа меньшинств, у которых не получилось поступить в данное учебное заведение по итогам сдачи государственных экза-

менов. Программа обучения в таких группах направлена преимущественно на изучение китайского языка, точных и естественных наук. Согласно статистике, более 90% обучающихся на таких курсах поступают в университет [4; 5].

Обобщая вышесказанное, отметим, что практикуемая в КНР система мер позитивной дискриминации в сфере образования носит системный характер, подкреплена как законодательно, так и организационно и распространяется на более чем 100 млн граждан страны. В полной или частичной форме привилегии в сфере образования охватывают 55 национальных меньшинств КНР. В полной мере они распространяются на коренных жителей четырёх автономных районов (см. выше).

Имея много общего с аналогичными системами в ряде стран мира, система позитивной дискриминации в сфере образования КНР имеет свою специфику. Заключается она, прежде всего, в том, что позитивно дискриминируемые группы - это весьма многочисленная, разнообразная по этническому составу, социальным характеристикам, религиозно-культурным особенностям группа населения.

Стремление китайских властей мерами позитивной дискриминации выровнять уровень образования меньшинств со средними показателями по стране, вне всякого сомнения, носит идеологический характер и может быть определено как социально-ориентированная политика, проистекающая из господствующей в КНР официальной коммунистической идеологии.

Меры позитивной дискриминации в сфере образования призваны обеспечить равные права и возможности всему населению страны, вне зависимости от того, в каких социальных и экономических условиях находится тот или иной гражданин. Данная политика дает отдельным представителям меньшинств возможность воспользоваться льготами и получить образование, которое в противном случае было бы им недоступно.

Однако, в целом, результат политики позитивной дискриминации выглядит далеко не так однозначно положительно. Постепенно накапливается критическая масса системных ошибок, которые на индивидуальном уровне практически незаметны. Именно они позволяют предположить, что средние и долгосрочные последствия этой политики нельзя считать безоговорочно положительными.

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЗИТИВНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Рассмотрим основные группы последствий политики позитивной дискриминации в сфере образования, которые вызывают серьёзные опасения как у представителей китайского общества, так и у официальных властей.

1. Система квотирования и облегченные условия поступления в учебные заведения представителей этнических меньшинств не решают главной задачи - их дальнейшей адаптации к учебе в условиях равных требований, предъявляемых ко всем студентам. Имея более низкий уровень подготовки по сравнению с теми, кто поступал на общих основаниях, они часто оказываются слабо успевающими, переживают психологический дискомфорт. Испытывая на себе критическое, граничащее с пренебрежительным, отношение со стороны успевающих обучающихся, такие студенты видят в особом к себе отношении определенного рода моральную дискриминацию, унижающую их человеческое достоинство. Нередко это вынуждает их прерывать учебу.

Многие педагоги видят причину неуспешной учебы представителей национальных меньшинств не в них самих, а в той системе, которая позволяет им поступать без должной базовой образовательной подготовки, и поэтому выступают против такого преференциального подхода [14, р. 192].

2. Китайские специалисты в области образования отмечают, что система льгот при поступлении, а также система квотирования приводят к снижению уровня образования в вузах КНР. Стремясь поддерживать процент студентов из числа национальных меньшинств, некоторые преподаватели, искренне полагая, что действуют «в соответствии с указаниями партии и правительства», сознательно занижают требования к студентам-льготникам на экзаменах, вынужденно тратят время занятий не на объяснение нового материала учебной программы, а на повторение школьного курса для отстающих.

Складывается непростая ситуация, когда из-за того, что представители меньшинств реализовывают предоставляемые им льготы, хорошо успевающие студенты получают недостаточно качественное образование.

Это до некоторой степени оправданно в классах, полностью состоящих из представителей национальных меньшинств, но абсолютно неприемлемо в классах смешанного состава обучающихся. С одной стороны, школьники с более высоким уровнем подготовки страдают от недостатка внимания преподавателя, с другой - представители национальных меньшинств не справляются с учебной программой и прерывают обучение, нередко пережив при этом серьезный психологический стресс.

3. Нередко педагоги, которые вынуждены снижать экзаменационные оценочные стандарты или использовать разные оценочные стандарты для различных групп студентов, подвергаются острой критике как со стороны студентов, так и со стороны коллег, а в ряде случаев и администрации вузов.

Причина конфликтов, как правило, объясняется не личностью преподавателя, а системой, в которой этот преподаватель должен работать, размытостью и неконкретностью морально-этических принципов поведения преподавателя.

Если официальные власти предоставляют определенным категориям граждан льготы и привилегии, означает ли это, что и преподаватели вуза должны использовать двойные стандарты, оценивая знания студентов? Сложившаяся в КНР система позитивной дискриминации не даёт однозначного ответа на этот вопрос. Американский социолог Би-Лань Чань Ван описывает несколько случаев, когда университетские профессора увольнялись и даже эмигрировали, оказываясь неспособными противостоять моральному давлению, направленному против их профессиональных принципов [14, р. 198].

4. Система квот иногда приводит к потере возможности выбора специализации для студентов из числа меньшинств. Это происходит, когда представитель меньшинства, используя максимальные льготы, поступает в вуз, по окончании которого его ждет обязательное распределение учителем начальной или средней школы в местности, откуда он родом. Такое «предопределение» судьбы студента, которое вначале кажется ему вполне допустимым, по мере учебы нередко вступает в противоречие с личными планами обучающегося, который утрачивает интерес к учебе, оказывается в числе неуспевающих и, наконец, отчисляется. Есть и другие примеры, когда оказывается, что закончив вуз и начав преподавательскую деятельность, выпускник не всегда имеет должный уровень подготовки, что отрицательно сказывается на уровне начального и среднего образования уже в самих регионах [2, р. 194].

5. Еще одно несовершенство системы заключается в том, что иногда получателями льгот становятся абитуриенты из весьма благополучной в социальном отношении категории граждан, которые имеют более высокие образовательные рейтинги, чем в среднем имеют ханьцы. Это, например, относится к представителям локальных социальных элит или тем представителям малых народов, которые временно покинули места своего постоянного проживания, переехав в крупные города. Формально они остаются принадлежащими к числу меньшинств. Фактически же, они живут в среде ханьцев и имеют равные с ними возможности получить качественное образование без каких-либо льгот.

Другой пример: достаточно часто квоты вводятся не по принципу принадлежности к той или иной группе меньшинств, а по принципу места постоянного проживания абитуриентов в том или ином регионе. Известны случаи, когда в погоне за льготами люди целыми семьями переселялись в

определенные районы, чтобы повысить шанс их детей поступить в конкретный университет [11, р. 82]. Очевидно, что препятствовать этому законодательно практически невозможно.

6. Реализация вышеперечисленных видов позитивной дискриминации зачастую приводит к межэтническим конфликтам, когда ханьцы начинают чувствовать себя ущемленными в правах. Один из таких случаев был описан в журнале «Глобал таймс». Студент-ханец, который родился и получил образование в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, объяснил, что там межэтнические конфликты - обычное явление среди людей всех возрастов. Раздельные школы для этнических меньшинств позволяют выработать особое отношение к людям другой этнической принадлежности. Дети из семей меньшинств перенимают у родителей их восприятие ханьцев как группы жителей, которые пришли занять их территорию и отнять рабочие места. Водители из числа этнических меньшинств отказываются везти пассажиров-ханьцев, а студенты из числа этнических меньшинств и студенты-ханьцы вынуждены стоять в разных очередях в ожидании, например, медицинского обследования, чтобы избежать драк, которые случаются довольно регулярно [15].

Отношение общества к национальным меньшинствам также претерпевает изменения в связи с политикой позитивной дискриминации. Среди ханьцев бытует стереотип, что все достижения представителей национальных меньшинства являются результатом не личных качеств, а особого отношения к ним в рамках правительственной программы квот и иных привилегий [14, р. 200].

Позитивная дискриминация, проводимая официальными властями, парадоксальным образом порождает негативное отношение китайского большинства по отношению к малым этническим группам. Конфликтогенность ситуации настолько очевидна, что возникали предложения начать выделять преференции не этнической группе как таковой, а отдельным ее представителям, имеющим доходы существенно ниже среднего.

В этом случае этническая принадлежность перестает быть главным критерием получения льгот. На первое место выходит уровень материального благосостояния отдельного человека. Но тогда возникает конфликт другого характера: малоимущие представители национальных меньшинств оказываются привилегированными по сравнению с малоимущими представителями ханьцев. Кроме того, это порождает предвзятое отношение к малоимущему человеку, который рассматривается как неполноценный, а потому нуждающийся в особом привилегированном отношении, что противоречит идее универсальной ценности равенства возможностей личности [14, р. 201]. Официальные лица КНР не придают это-

му вопросу принципиальное значение, поскольку, если ввести абсолютное равенство при поступлении в университеты для всех граждан страны, это лишит представителей малых этнических групп права на равные возможности в этом вопросе [11, р. 80]. Выход из сложившейся коллизии пока не найден.

7. Китайские законы предоставляют национальным меньшинствам право осуществлять обучение, наряду с китайским, также и на родном языке. В «Законе Китайской Народной Республики о региональной национальной автономии» говорится: «Школы, в которых большинство учащихся принадлежат к числу национальных меньшинств, должны, когда это возможно, использовать учебники на их родных языках, а также использовать эти языки в процессе обучения» [6, ст. 37]. Поэтому в Тибете и в других национальных автономиях повсеместно существует двуязычное образование.

Проблемы, связанные с реализацией двуязычного образования в КНР, обсуждаются многими учеными [2; 8; 13; 16; 17; 18; 20; 21 и др.]. Широко известна точка зрения, что язык играет роль культурного символа в процессе формирования групповой идентичности [12, р. 23]. Поэтому обучение меньшинств на китайском языке, хотя и даёт студентам в КНР больше карьерных перспектив, размывает основы культурной идентичности этнического меньшинства. Некоторые представители меньшинств рассматривают это как подлинную трагедию и поэтому препятствуют дальнейшему обучению своих детей в случае, если образование не может быть получено на родном языке. Это одна из причин высокого процента неграмотности в Тибете.

Другой причиной размывания этнокультурной идентичности малых народов является ограниченное количество специальностей, обучение по которым в университетах ведется на языках меньшинств. Высшее и среднее специальное образование на родном языке представители меньшинств могут получить, главным образом, по гуманитарным наукам: педагогике, литературе, истории, филологии и искусствоведению. Большинство же естественнонаучных специальностей и практически все точные науки преподаются на китайском языке.

Поскольку многие представители этнических меньшинств выбирают специальности, обучение по которым возможно лишь на китайском языке, они постепенно утрачивают связь с собственной культурой и даже «деградируют как представители своей культуры» [19, р. 63]. Это вызывает беспокойство не только среди меньшинств, но и у официальных китайских властей, поскольку малые культурные группы систематически теряют представителей своей интеллектуальной элиты, которые, получив специальность и выучив китай-

ский язык, покидают родные места в поисках лучшей жизни.

Официальные власти КНР, также как в свое время руководство СССР, проводят политику, направленную на консолидацию китайского общества, независимо от этнической или религиозной принадлежности его членов. Объективно такая политика способствует китаизации населения. Однако, справедливости ради признаем, что расширение круга специальностей, обучение по которым проводится на языке меньшинств, затруднено причинами не только и не столько идеологического характера. Этому препятствуют недостаток квалифицированных кадров, способных вести занятия на языке меньшинств, отсутствие на этих языках учебных пособий и ограниченность финансовых возможностей государства.

Завершая этот раздел, подчеркнём, что весь вышеперечисленный комплекс мер позитивной дискриминации требует значительного государственного финансирования. Позитивная дискриминация малых этнических групп в КНР - это систематизированная, целенаправленная, в определенной степени идеологизированная политика государства.

ОБРАЗОВАНИЕ В ТИБЕТЕ

Все вышесказанное относится к Тибетскому автономному району. Население Тибета насчитывает около 3,24 млн человек, или 0,235% всего населения КНР. В ТАР действует 6 высших учебных заведений, что составляет 0,234% от общего числа государственных вузов КНР, т.е. фактически это совпадает с долей тибетцев от общего населения страны.

Ситуация в среднем образовании несколько иная. Процентное соотношение государственных школ старших классов немного меньше среднего числа по КНР: в Тибете действует 30 государственных старших школ, что соответствует 0,227% от числа школ КНР. Количество государственных средних школ - 97, или 0,185% от общего числа подобных школ в стране. А вот по количеству начальных школ показатели существенно выше, чем в среднем по стране: в 2015 г. доля таких школ составляла 0,434% от их общего числа в КНР.

Анализ динамики роста количества учебных заведений свидетельствует о том, что, начиная с 2000-х гг., власти КНР стали обращать принципиально большее внимание развитию в ТАР начальных школ. Их доля по отношению к общенациональным показателям существенно возросла. В 2015 г. она почти в 2 раза превысила долю населения ТАР. Отметим, однако, что этот «бурный» рост отчасти связан с реформой образования в стране, которая привела к сокращению количества начальных школ в целом. Даже с учетом этого по-

литика китайских властей по развитию школьного образования в Тибете отличается последовательностью и имеет свою логику: она направлена на повышение уровня грамотности населения в ТАР.

Логическим продолжением такой политики было бы увеличение количества средних и старших школ, развитие которых, по сравнению с начальным образованием, несколько запаздывает. Развитию среднего и старшего школьного образования в Тибете препятствует демографический состав автономного района, в котором доля городского населения составляет около 25,75% (аналогичный общенациональный уровень - 54,77% [3]). Такой высокий процент сельского населения, часть из которого ведет кочевой образ жизни, не способствует нормальному функционированию школ и в определенной степени объясняет низкий уровень грамотности населения.

В тибетских деревнях дети уже со школьного возраста помогают родителям вести хозяйство, занимаются разными видами сельских работ. Поэтому именно в сельской местности, гораздо чаще, чем в городе, на решение, отправлять ли ребёнка учиться в школу, серьезно влияет социальный фактор - уровень материального благосостояния семьи и потребность в дополнительном работнике. В последнее время местные власти в ТАР активизировали меры, стимулирующие семьи отправлять детей в школу [9, p.106].

Важный вывод из сказанного выше состоит в том, что ускоренное развитие среднего образования позволит сократить катастрофическую разницу между Тибетом и остальным Китаем по показателю неграмотности населения. Очевидно, что улучшение качества образования начальных, средних и старших школ именно в сельской местности могло бы изменить ситуацию с огромным (37,33%) уровнем неграмотности в ТАР. Пока же остается необходимой политика позитивной дискриминации, вызванной недостатками в системе начального и среднего образования, прежде всего среднего.

В заключение сформулируем главные идеи исследования:

Позитивная дискриминация повышает интенсивность вертикальной социальной мобильности представителей национальных меньшинств. Но сама по себе политика позитивной дискриминации, в т.ч. и в сфере образования, не способна кардинально изменить исторически сложившееся неравенство между этническими меньшинствами и ханским населением Китая.

Если под влиянием существующих в стране экономических и политических проблем руководство КНР отступит от идеологических принципов гарантированного государством «равенства возможностей», от предоставления привилегий национальным меньшинствам, это может подорвать

эффективность политики позитивной дискриминации в сфере образования. И как следствие - вызвать обострение внутригосударственной напряженности по линии раздела интересов между этнонациональными группами.

Можно согласиться с мнением китайских аналитиков о том, что, несмотря на все недостатки политики позитивной дискриминации, в условиях КНР она остается безальтернативной [11, с. 81]. Отказ от такой политики приведёт к ухудшению ситуации в данной сфере, что побуждает официальные власти продолжать ее проведение.

Политика позитивной дискриминации сопровождается мерами по усовершенствованию начального, среднего и старшего школьного образования. На примере ТАР видно, что именно ускоренное развитие этого сегмента образования может существенным образом повысить уровень образования в регионе в целом. Рост процента детей с полноценным средним образованием, по-видимому, единственный путь уменьшить, а возможно,

и полностью отказаться от политики позитивной дискриминации в сфере образования.

Другой возможностью повысить процент образованного населения в ТАР представляется реализация права этнических меньшинств получать высшее образование на их родном языке за счет государственного финансирования школьных и университетских программ, обучение по которым происходит на языках меньшинств. Однако отметим, что данный тренд в сфере образования едва ли будет преобладающим, поскольку он противоречит стратегическим целям интеграции страны в рамках её нынешних государственных границ.

Наконец, нельзя не учитывать и то, что самым непосредственным образом на темпы и качество образования на территориях национальных автономных районов будут влиять политическая стабильность в стране, экономическое развитие, приоритетное внимание к таким вопросам, как уровень жизни, борьба с бедностью, забота о молодёжи, поддержка лиц пожилого возраста и т.д.

Список литературы / References

1. PPC Constitution, 1982 (with ammendments 1988, 1993, 1999, 2004) (in Russian) - http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution
2. Bass C. Education in Tibet: Policy and Practice since 1950. London, New York: Zed Books. 1998.
3. China Statistical Yearbook - www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm
4. Kormondy E. Observations on minority education, cultural preservation and economic development in China // Compare: A Journal of Comparative and International Education. 1995. 25 (2), p. 161-178.
5. Kormondy E. Minority education in remote regions of China // Current Research Journal of Social Sciences. 2012. 4 (2), p. 109-120.
6. Law of the People's Republic of China on Regional National Autonomy - <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/SERIAL/35194/29950/F1588377888/CHN35194.pdf>
7. Nima B. Problems related to bilingual education in Tibet // Chinese Education & Society. 2002. 34 (2), p. 91-102.
8. Postiglione G.A. Introduction: state schooling and ethnicity in China // China's national minority education: Culture, schooling, and development. New York: Falmer Press. 1999, p. 3-19.
9. Postiglione G.A., Jiao B., Goldstein M.C. Education in the Tibetan Autonomous Region: policies and practices in rural and nomadic communities // Education Reform in China. Changing concepts, contexts and practices. London, New York: Routledge. 2011, p. 92-109.
10. Postiglione G.A., Jiao B., Li X. Education change and development in nomadic communities of the Tibetan Autonomous Region (TAR) // International Journal of Chinese education. 2012. 1 (1), p. 89-105.
11. Sautman B. Affirmative action, ethnic minorities and China's universities // Pacific Rim Law and Policy Journal. 1998. 7 (1), p. 77-116.
12. Smith A.D. National Identity. Reno: University of Nevada Press. 1991.
13. Stites R. (1999) Writing cultural boundaries: national minority language policy, literacy planning, and bilingual education. In: China's national minority education: Culture, schooling, and development. New York: Falmer Press, p. 95-130.
14. Wan Bee-Lan Chan. Positive discrimination in education: a comparative investigation of its bases, forms, and outcomes // Comparative Education Review. 1983. 27 (2), p.191-203.
15. Wang W. Han in Xinjiang victims of favorable minority policies. 2012 - <http://www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/700800/Han-in-Xinjiang-victims-of-favorable-minority-policies.aspx>
16. Wang Y., Phillion J. (2009) Minority language policy and practice in China: the need for multicultural education // International Journal of Multicultural Education 11 (1), p. 1-14.
17. Xing T. (2001) 'The idea of plurality and unity in the configuration of the Chinese nationality and China's bilingual education for its ethnic minority', Chinese Education & Society 34 (2), p. 75-90.
18. Yao C., Zuckermann G. (2016) Language vitality and language identity - which one is more important? Tibetan-Chinese bilingual education in Maketang versus Huazangsi // Language Problems and Language Planning 40 (2), p. 163-186.
19. Yi L. (2006) Choosing between ethnic and Chinese citizenships: the educational trajectories of Tibetan minority children in Northwestern China. In: Vanessa L. Fong, R. Murphy (eds), Chinese Citizenship: Views from the Margins. London, New York: Routledge, p. 41-68.
20. Zhu Z. (2007) Ethnic identity construction in the schooling context: A case study of a Tibetan Neidi boarding school in China // Chinese Education & Society 40 (2), p. 38-59.
21. Zuo X. (2007) China's policy towards minority languages in globalizing age // Transnational Curriculum Inquiry 4 (1), p. 80-91.